

Е.А. Нахимова
Екатеринбург

Тенденции развития системы прецедентных онимов в постсоветскую эпоху

Историческая динамика лексических систем – это универсальная закономерность, давно и тщательно изученная на материале самых различных языков. При конкретном описании словарного состава каждого естественного языка последовательно выделяются архаизмы и историзмы, неологизмы и окказионализмы. Указанные разряды слов обнаруживаются и при изучении системы прецедентных онимов, то есть имен собственных, способных к метафорическому использованию.

Исследование прецедентных онимов имеет давние традиции в отечественной и зарубежной науке, однако в настоящее время перед учеными «по-прежнему стоит множество сложных вопросов, которые так и не нашли своего окончательно решения в традиционной парадигме лингвистического знания» и требуют использования когнитивных методик и эвристик [Слышкин 2000: 40], в том числе созданных в рамках теории концептуальной метафоры (Дж. Лакофф, М. Джонсон, А.Н. Баранов, Дж. Гуднайт, П. Друлак, И.М. Кобозева, Р. Пэрис, Й. Цинкен, П. Чилтон, А.П. Чудинов и др.) и теории прецедентности (Ю.Н. Караулов, Д.Б. Гудков, В.В. Красных, Н.М. Орлова, Ю.Е. Прохоров, Г.Г. Слышкин и др.). Изучение метафоры и метонимии в сфере имен собственных очень важно и для постижения общих закономерностей категоризации окружающей действительности как одной из центральных категорий когнитивной лингвистики.

Как показывают наши наблюдения, существуют значительные различия в частотности метафорического использования различных разрядов онимов и характере их образного значения. Поскольку основная проблематика массовой коммуникации — это человеческая деятельность, то вполне закономерно, что здесь ведущее место занимает использование антропонимов, на которые приходится более 90% онимных метафор [Нахимова 2007: 82 - 83]. Обращение к материалам постсоветской эпохи показало, что арсенал прецедентных имен, активных в современной массовой комму-

никации, продолжает интенсивно пополняться. При этом наиболее продуктивными оказываются четыре смысловые сферы.

Первую группу рассматриваемых метафор составляют прецедентные имена «олигархов» – людей, которые сумели быстро обогатиться в ельцинское десятилетие, однако не снискали народного уважения. Ср.:

Другие, которые не вышли в «абрамовичи», отлынивают от минимальных обязательств. 10 миллионов разведенных «козлов» уклоняются от алиментов. (В. Костиков // Аргументы и факты. 2008. 2.04). Как принято поддерживать автопром эпохи 60-70-х в виде АвтоВАЗА и прочих дерипасок, так и в домостроении будет поддерживаться только панель (blogs. 20.06.09).

Вторую группу метафор, образованных в постсоветскую эпоху на основе имен собственных, составляют имена широко известных политических лидеров некоммунистической России (Гайдар, Горбачев, Ельцин, Жириновский и др.). Ср.:

Этот «великий поворот» чубайсов и третьяковых, черномырдиных и путинных напрямую связан с мощнейшим давлением русского народа. Они под воздействием русского концентрированного биополя. Кто из них погибнет, а кто останется, не так и важно (В. Бондаренко // Завтра. 2001. 4.01). В контексте заголовка заметки «Россия – родина слонов, жириновских и шандыбиных» (В. Устюжанин // Комсомольская правда. 2002. 23.09). Удастся ли Обаме эффективно противостоять кризису? Или так называемый «черный Горбачев» развалит Штаты? (Е. Чиркова // Комсомольская правда. 2010. 22.06).

Третью группу антропоморфных метафор, созданных в постсоветскую эпоху, образуют прецедентные имена людей, которые «прославились» своими преступлениями, вызвавшими значительный общественный резонанс (маньяк Чикатило; киллер Солоник; майор Евсюков, в нетрезвом виде расстрелявший в магазине мирных покупателей; полковник Квачков, обвиненный в покушении на Чубайса; главари бандитов из станицы Кущевская братья Цапки). Например:

Нам важно понять, что вождь народов был серийным Чикатило, который уничтожил десятки миллионов граждан нашей страны. Если бы мы воевали вопреки Сталину, то воевали

бы лучше (А. Лебедев // Комсомольская правда. 2010. 4006.). *Слабо верится, что после участия в выпуске стенгазеты и хорового пения наши «майоры евсюковы» превратятся в доброго участкового Анискина или в дядю Степу* (В. Костиков // АиФ. 2010. № 11). *Электронному Чикатило – пулю в лоб!* (название статьи Андрея Фефелова // Завтра. 2007. 6.06). *Что же остается делать? В осознании собственного бессилия продолжать заниматься рутинными делами? Автономизироваться, уйти в леса, в скиты, прочь от мира? Уехать из «такой страны»? Или стать Квачковым?* (Д. Тукваков. Статя Квачковым // Завтра. 2006. № 1).786

Следует особо отметить, что границы между названными группами часто оказываются размытыми, поскольку недавние богачи нередко оказываются среди подсудимых, а их имена (*Мавроди, Гусинский, Березовский*) становятся символами преступной деятельности, приведшей к лишению свободы или вынужденной эмиграции. Приведем примеры:

«Мавроди» из США сядет на 150 лет (Заголовок заметки об американце Бернарде Мердоффе, который создал финансовую «пирамиду»; Е. Чинкова // Комсомольская правда, 2009. 1.07). *Это их выбрал в качестве своих жертв отец Константин, как вас в свое время выбрали в качестве жертв разные там Мавроди да «Властелины» и прочие аферисты* (Н. Варсегов // Комсомольская правда. 2010. 20.11).

С другой стороны, люди, ставшие известными государственными чиновниками, в нашей стране переходят в сферу бизнеса и оказываются в числе так называемых олигархов. Своего рода символом подобной трансформации стал бывший глава президентской администрации Анатолий Чубайс, который сначала возглавил крупнейшую энергетическую компанию, а в последние годы руководит развитием и внедрением нанотехнологий.

Четвертую группу антропонимов, очень активных в начале нашего столетия, составляют прецедентные имена широко известных тележурналистов и иных сотрудников СМИ. Ср.:

Конечно, господин Шустер, лучше вам про ту армию и не вспоминать. При той армии шустеры только и могли из-за угла потягивать в сторону России. А сейчас положили ноги на стол, за который они бесцеремонно сели, и ведут себя не лучше того

*животного, которое в этой поговорке упоминается. От **шустеров** ждать покаяния за горечи и беды, подобные октябрьской трагедии, не приходится (С. Ямщиков // Завтра. 2003. 18.11). Не будем делать из журналистов, из **Минкиных и Киселевых, из Масюк и Сванидзе** прямых агентов врага. Да и наш милейший Гришенька Явлинский лишь является верным и последовательным союзником западных ценностей... (В. Бондаренко // Завтра. 2000. 4.01). Усиливается информационная атака на КППФ. **В роли Доренко** теперь выступает г-н Караулов (А. Проханов // Аргументы и факты. 2003. № 23).*

Следующую группу прецедентных антропонимов, активно используемых в современных СМИ, составляют имена, относящиеся к сфере искусства (или массовой культуры); особенно часто это – имена создателей и исполнителей песен. Ср.:

*Рассохились рамы гостиницы пропускали пьяные вопли не состоявшихся **Ленсов и Успенских** (С. Голуб // Комсомольская правда. 2010. 8.09.). Конечно, в Петербурге еще не скоро появится новый **Виктор Цой**, но этот город продолжает оставаться столицей русской рок-культуры (И. Горбов // Аргументы и факты – Урал. 2002. № 32). Конечно, в каждом городе нет своих **Гундаревых, Табаковых, Гафтов, Филатовых, Ахетжаковых**. Комиссия по цензуре, созданная в Тмутаракани из местных безвестных поэтов и чиновников, неизбежно начнет душить все доброе и вечное (А. Розенбаум // Аргументы и факты. 2002. 04.09.).*

Показательно и то, что в составе прецедентных имен собственных, связанных с постсоветской эпохой, практически нет таких, которые относятся к некоторым ранее активным смысловым группам. В частности, нет столь популярных прежде имен рядовых труженников, не попали в число прецедентных и имена военачальников, руководивших боевыми действиями на Северном Кавказе, и даже имена людей, совершавших подвиги в период второй кавказской войны.

Еще одна характерная черта современного периода – незначительное число новых прецедентных имен, относящихся к сфере-источнику «Литература». Имена героев произведений, написанных в последние годы, пока не стали настолько широко известными, как фамилии персонажей текстов Пушкина и Гого-

ля, Достоевского и Льва Толстого, Чехова и Булгакова.

Необходимо отметить и то, что большинство рассмотренных прецедентных имен оказалось в контекстах с ярко выраженной негативной оценкой. Герои все больше вытесняются антигероями.

Следует отметить, что в конкретных текстах нередко наблюдается сложное переплетение прецедентных имен, восходящих к различным историческим периодам, связанных с различными национальными истоками, относящихся как к миру искусства, так и к реальному миру. Такая организация текста вызывает большой интерес читателей и обеспечивает значительный прагматический эффект. Ярким примером рассматриваемого взаимодействия образов может служить следующий фрагмент.

*Кому отдастся **Татьяна Ларина**?*

*Каждая эпоха задает свои стандарты жизни, нравственности и поведения. Помните знаменитые слова **Татьяны Лариной** из пушкинского «**Евгения Онегина**»? «Но я другому отдаю; я буду век ему верна». Нынешнее поколение молодежи оказалось в сложном положении: оно как бы зажато между двумя моделями жизни.*

*Значительная часть молодежи, которая была «родом из СССР», оказалась в сложном психологическом положении: капитализм рассыпал по улицам массу соблазнов. А как делать жизнь не по **Павке Корчагину**, а по **Биллу Гейтсу**, никто не научил. Научиться жевать жвачку, пить кока-колу оказалось легко. А вот как встраиваться в совсем другую жизнь, где требуется новая энергия, изворотливость, умение держать удар, рисковать и делать собственный выбор?*

*На первом этапе вживания в новый порядок в мозгах и сердцах современных **Онегиных** и **Ленских** все смешалось. Социологические опросы вскрывали удручающие перекосы молодежного сознания. **Татьяны Ларины** мечтали стать проститутками, **Онегины** осваивали бандитские хватки, **Ленские** пристрастились к сексу и «травке». И чуть ли не все мечтали стать **абрамовичами** и **ходорковскими**.*

*За последние 3-4 года ориентиры молодежи стали «остепеняться». Романтика блатного капитализма ушла в прошлое. Что касается «**списка Форбса**», то выяснилось, что он очень короткий и для счастья нужно искать другие места.*

...Пройдя через испытания кризисом, молодежь подойдет к следующим выборам серьезно повзрослевшей. И задавать себе она будет не вопросы, кто побежит за «Клинским» или кто прогремит на очередной «Фабрике звезд», а вопросы совсем другого свойства. Найду ли я в ближайшие годы работу? Удастся ли получить образование? Смогу ли позволить себе создать семью?

(В. Костиков. Кому отдастся **Татьяна Ларина**? // Комсомольская правда. 2009. 01.02).

В рассматриваемом тексте удачно взаимодействуют имена собственные, которые используются в основном (прямом) и метафорическом значениях. Одни из них восходят к отечественному дискурсу, другие – к зарубежным реалиям. Многие из этих образов созданы в творческой лаборатории писателя, но их дополняют имена, позаимствованные из реальности. Образы современности удачно взаимодействуют с теми, которые рождены советской и досоветской действительностью, что позволяет, говоря о вечных ценностях, использовать контраст между прошлым и настоящим.

Итак, представленное исследование позволяет сделать вывод о том, что в постсоветскую эпоху произошли значительные изменения в сфере прецедентных имен собственных. С одной стороны, в современной массовой коммуникации сохраняются живые связи с опытом прошлого, с тем арсеналом прецедентных имен, который создавался на протяжении многих столетий. Значительная часть этих онимов до сих пор присутствует в составе общеупотребительной лексики, не испытывая тенденции к архаизации. Вместе с тем арсенал прецедентных феноменов в последние два десятилетия существенно расширился. Он особенно активно пополнялся за счет имен, относящихся к сферам экономики (олигархи), политики и государственного управления (*Чубайс, Путин*), журналистики (*Сванидзе, Доренко*), криминала (*Мавроди, Чикатило*) и массовой культуры (*Лепс, Пугачева, Киркоров, Цой, Успенская*).

Вместе с тем существенно изменились смысловые сферы, к которым относятся прецедентные онимы-неологизмы. Среди новых источников прецедентности практически нет так характерных для советской эпохи имен знаменитых рабочих, военно-

служащих, летчиков и полярников. Не проявляют активности в современной массовой коммуникации и имена героев новейшей литературы. Очевидно, эти изменения обусловлены прежде всего трансформацией социальной ситуации, динамикой сфер, которые вызывают максимальный общественный интерес, и, конечно, переходом от тоталитарного дискурса массовой коммуникации к демократическому. Обозначенные тенденции в значительной мере обусловлены также глобальными тенденциями развития современной цивилизации.

Несколько лет тому назад Н.А. Кузьмина в рамках исследования интертекстуальности предложила разграничивать в качестве источников текстовых реминисценций два вида текстов. К первой группе относятся **«сильные тексты»**, которые «испытаны временем и присутствуют в национальной культуре на протяжении жизни более двух поколений» (это преимущественно литературная классика, религиозные книги, имена и события, надолго остающиеся в народной памяти). Ко второй группе относятся **«ключевые тексты текущего момента»**, обращение к которым чрезвычайно активно лишь в очень короткий период времени (реклама, шлягеры, телесериалы, политические и рекламные слоганы и т. п.) [Н.А. Кузьмина 2004]. При всей условности границ между выделенными типами текстов, названная классификация отражает достаточно важные их свойства. Создается впечатление, что в современной массовой коммуникации максимальную активность в качестве источников прецедентности проявляют именно «ключевые тексты текущего момента». А чрезвычайно частотное обращение к этим текстам, несомненно, способствует быстрому обновлению арсенала прецедентных имен, характерных для современной российской массовой коммуникации.

Можно предположить, что уже сейчас многие ключевые антропонимы тоталитарной эпохи при упоминании в современных СМИ требуют лингвокультурологического комментария, поскольку превращаются в архаизмы и историзмы. Это же относится и к таким ярким в период перестройки прецедентным именам, как член Политбюро Егор Лигачев, следователь Гдяля, первые советские официальные миллионеры и «золотые перья» демократической публицистики.

С другой стороны, можно ожидать, что в скором будущем аналогичная судьба ожидает и антропонимы-неологизмы, относящиеся сейчас к числу «ключевых слов текущего момента», то есть получившие широкое распространение в начале XXI века. И, конечно, только в отдаленном будущем станет известно, какие из современных прецедентных имен войдут в «золотой фонд» отечественной прецедентности.

При конкретном анализе имен собственных зачастую важно различать онимы-неологизмы и онимы-окказионализмы. В последнем случае имеются в виду вторичные значения, смысл которых понятен только в рамках данного текста, определенной ситуации. Приведем пример:

*В 2007 году в Орел направили нового начальника областной милиции **Владимира Колокольцева**. Вскоре возбудили громкие уголовные дела против двух вице-губернаторов. Строев все понял... Мы все понимаем, что к каждому ветерану губернаторского корпуса можно послать своего **колокольцева**, и тот многое нарочит в его ближайшем окружении* (Е. Черных // Комсомольская правда. 2010. 7–14.10).

В данном случае ближайший контекст свидетельствует, что имя генерала Владимира Колокольцева выступает как своего рода символ угрозы провинциальным топ-менеджерам: его назначение на должность руководителя областной милиции предвещает уголовное преследование политической элиты региона. Показательно, что рассматриваемое имя в традиционном денотативном употреблении начинается с прописной буквы, а прецедентное имя в коннотативном (метафорическом) употреблении напечатано в данном тексте со строчной буквы. Однако вполне понятно, что имя грозного милицейского генерала известно лишь «в узких кругах» его соратников и потенциальных жертв.

Высокая скорость исторических изменений, постоянное обновление состава неологизмов и архаизмов, значительное количество окказионализмов и историзмов – характерные черты современной системы русских прецедентных имен собственных. Одни из них приходят на миг, другие – на века, но в целом можно сделать вывод о том, что рассматриваемые метафоры, восходящие к именам собственным, как правило, менее долговечны,

чем образы, восходящие к именам нарицательным. И особенности современной российской массовой коммуникации, несомненно, способствуют ускорению названных процессов.

Литература

Кузьмина Н.А. Интертекстуальный тезаурус языковой личности и методы его изучения // Интерпретатор и текст. Проблемы ограничений в Нахимова 2007

Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации: Монография. – Екатеринбург, 2007.

Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. — М., 2000.

©Нахимова Е.А, 2011